

Гарри вцепился в подлокотники, когда самолет взревел, готовясь к взлету. Несмотря на то, что он видел летающие машины над домом Дурслей, волшебник никак не мог понять, как они управляются без магии. Он задумался, хватит ли его сил, чтобы поднять весь самолет, если понадобится, и с тоской вспомнил о своей метле "Молния", оставшейся в багажнике "Хогвартс-экспресса". Принц организовал частный рейс из Балморала в Лондон, уверив Гарри, что Дурсли будут в курсе его планов. Он также пообещал "присмотреть" за ними, загадочно улыбнувшись, когда Гарри попытался узнать, что это значит. Юному волшебнику сообщили, что его ждет транспорт и ужин по прибытии в Лондон. Салон самолета был роскошным, словно королевские покои. Кожаные кресла, красное дерево, плюшевый ковер – все говорило о богатстве и комфорте. Капитан, хоть и сидел за закрытой дверью кабины, пообещал Гарри экскурсию после взлета. Стюард в форме подошел к креслу юного волшебника и показал ему, как пристегнуть ремень безопасности. — Это ваш первый полет? — спросил он. — Нет... но я впервые лечу на самолете, — ответил Гарри. Стюард скрыл замешательство улыбкой. — Тогда просто расслабьтесь, мистер Поттер, беспокоиться не о чем. Гарри захотел спросить стюарда, как бы он себя чувствовал, если бы летел на гиппогрифе или фестрале, но решил оставить эту мысль при себе. Самолет вырулил на взлетную полосу, плавно оторвался от земли и вошел в плавный поворот. Было странно лететь, не ощущая ветра в лицо, не держась за метлу. Спустя несколько минут Гарри решился выглянуть в окно. Вид был завораживающим – зеленые холмы и долины, озера и леса. Он подумал, не пролетает ли он над Хогвартсом. Мальчик-Который-Выжил перестал искать замки и начал искать железнодорожные линии. Где-то внизу Рон и Гермиона ехали на "Хогвартс-экспрессе". Ему было интересно, что они делают и знают ли они о его отсутствии. Гарри вспомнил, как Рон обнял Гермиону после похорон Дамблдора, и задумался, не используют ли они это время, чтобы разобраться в своих чувствах друг к другу. Друзья обещали остаться у Дурслей, но Гарри не мог представить, как его тетя и дядя это выдержат, и всерьез сомневался, сможет ли Рон прожить больше дня или двух в немагическом доме. Желание уйти от этих мыслей заставило Гарри отвернуться от окна, откинуться на сиденье и задремать. В нескольких сотнях миль от Гарри "Хогвартс-экспресс" мчался по йоркширской сельской местности, а Гермиона Грейнджер пробиралась по проходу одного из вагонов. Это была совсем другая поездка, чем та, что была в начале учебного года. Тогда поезд был полон оживленных и возбужденных студентов, за исключением первокурсников, которые были в ужасе от всего происходящего. Гермиона и другие префекты конфисковывали запрещенные предметы, которые студенты пытались пронести в Хогвартс. Но сейчас поезд был тихим, очень тихим. Студенты понимали, что Хогвартс может не открыться вновь, что они могут долго не увидеть своих друзей и одноклассников, что смерть Дамблдора сделала мир гораздо опаснее. Один из магглорожденных учеников точно описал это: — Страх — бегство. Во время предыдущих поездок домой Гермиона видела (и испытывала отвращение) неистовые объятия, которые случались между расставшимися парами. Но сейчас все было иначе – почти половина старшекурсников и слишком много младшекурсников искали утешения в объятиях друг друга. Пары, которые были вместе весь год, пары, которых она никогда раньше не видела вместе, даже пары, с которыми Гермиона никогда не встала бы в пару. Она была рада, что ей достался вагон с младшекурсниками. Было бы ужасно оказаться между губами Лаванды Браун и кем-то еще. Интеллектуально Гермиона понимала, почему студенты так себя ведут. Она даже устроила скандал на собрании префектов, заявив, что объятия – это терапия (до определенной степени). Эмоционально Гермиона тоже понимала необходимость этого, и часть ее самой жаждала немного терапии. "Но есть же ограничения, которые нужно соблюдать, — подумала она, — и зоны, свободные от обжиманий, которые нужно поддерживать, а Рон патрулирует другой вагон, а Гарри даже не в поезде..." Гермиона вздохнула, когда последняя мысль пришла ей в голову. "Гарри? Почему я вообще о нем думала? Он мой лучший друг... он парень Джинни. Ладно, он расстался с ней сегодня утром, но ведь это Рон обнял меня после службы, это Рону я так завидовала, когда он целовался с Лавандой Браун, это ведь Рон, не так ли?" Ей потребовалось больше десяти минут, чтобы сформулировать обоснование. Почему другие

ученики целовались? Потому что им было страшно, и им нужно было чувствовать себя в безопасности, а самый простой способ почувствовать себя в безопасности – это чьи-то объятия. Но в ее случае это был Гарри, который всегда заставлял ее чувствовать себя в безопасности, даже без обжиманий. Гарри – одиннадцатилетний мальчик, который спас ей жизнь еще до того, как они стали друзьями. Поэтому, когда Гарри появлялся в одном ряду мыслей со сноггингом, на самом деле это не означало, что она хотела обнять своего лучшего друга. Сноггинг для других студентов – это то же самое, что Гарри для Гермионы. Да. Конечно, так и было. Так и должно было быть. Гермиона прислонилась к двери купе. Она боялась того, что может произойти этим летом. Она была в ужасе от того, что должно произойти этим летом. Она хотела, чтобы Гарри ехал в этом поезде. В Литтл Уингинге небо разразилось дождём. Сильным, неистовым, таким, что даже самые заправские домовладельцы не могли справиться с его напором. Вернон Дурсль, с самодовольным удовлетворением наблюдая за тем, как у подножия их дома образуется настоящий пруд, подумал: "Неужели эти двое собирают воду в подвал? Неплохо бы им пожить в сырости!" — пробормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь. Но не погода, а отсутствие публики портило ему настроение. Впервые за долгое время Вернон мечтал о роскоши, о том, чтобы погреться, понежиться в редкой непохожести номера четыре по Тисовой улице. Конечно, случалось, что свадебные компании нанимали шикарные автомобили, чтобы покрасоваться перед соседями. Но ничто не могло сравниться с Rolls Royce Phantom III 1937 года! — Вернон, поставив ногу на подножку, принял, по его мнению, щегольскую позу. Шофер в белых перчатках держал над головой Дурслей большой черный зонт. Учитывая ограниченный размер зонта и неудобную позу, которую Вернон настаивал принять рядом с машиной, белая перчатка и немного рукава были единственными частями шофера в смокинге, которые не промокли. "Все это часть его работы", — рассудил Вернон. Входная дверь дома нерешительно открылась, когда второй хорошо одетый мужчина попытался защитить и Петунью Дурсль, и ее сына Дадли от стихии. Поскольку в Англии не нашлось зонта, достаточно большого, чтобы накрыть их обоих, мужчина сначала помог миссис Дурсли дойти до машины, а затем вернулся, чтобы уберечь от дождя Дадли, его галстук с зажимом и боксерские перчатки с автографом. Приглашение на обед с действующим чемпионом Европы по боксу в тяжелом весе пришло две недели назад. Вернону пришлось отпроситься с работы, чтобы получить выходной в такой короткий срок, а Петунья отказалась от еженедельной встречи в бридж-клубе, но это было неважно. Ее сына, нынешнего чемпиона школы по боксу, нужно было лично поздравить и отметить его успехи. Машина и водитель были частью пакета. Единственным минусом было то, что после мероприятия им придется ехать на Вокзал Кингс Кросс, чтобы забрать проклятого племянника Вернона — Гарри. Мысль о племяннике заставила Вернона нахмуриться. Всего несколько недель, и они навсегда покончат с мальчиком, покончат с его типом, покончат со всеми этими уродствами. Конечно, не раньше, чем он заработает себе на жизнь. Маг с некоторым удовлетворением отметил, что список летних обязанностей Гарри был таким же длинным, как и всегда. У каждого облака есть серебряная подкладка. Вернон уныло посмотрел на тучи, из которых в данный момент лил дождь, затем вверх и вниз по улице, выискивая кого-нибудь, кто мог бы мельком увидеть, что его семье причитается. Изнутри машины раздался назидательный голос: — "Ради Бога, Вернон, залезай, а то опоздаем!" — Дурсли неохотно нырнули на заднее сиденье "Роллса". Двое слуг забрались в переднюю часть, и машина начала свой путь обратно в Лондон.